

4. Ochirov U.B. Voennye mobilizatsii [Military mobilizations.]. *Kalmykiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Kalmykia during the Great Patriotic War.]. Elista, 2005, pp. 63–81. (In Russ.).

(Monographs)

5. Maksimov K.N. Velikaya Otechestvennaya voyna: Kalmykiya i kalmyki [Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks.]. Moscow, 2010, pp. 76, 77, 80, 81. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Utash B. Ochirov – Doctor of History, Chief Research Fellow, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia)
utash-ochirov@yandex.ru

The article highlights the history of the formation of the 110th and 111th Kalmyk Cavalry Divisions at the outset of the Great Patriotic War. At that time the top commandment felt distrustful of national formations as the majority of recruits could hardly speak Russian which prevented them from understanding their commanders' orders. However, due to the lack of manpower, it made the decision to form 20 national cavalry divisions in November 1941, with the bulk of commanders supposed to be of Asiatic origin. Unlike other divisions of the Red Army, the national divisions were formed by the Bolshevik Party and the Soviet government bodies of national republics financed from the republican budgets, kolkhozes and the draftees themselves. On the basis of the archives of the VKP(b) Kalmyk Regional Committee and the archives of the Council of People's Commissars of the Kalmyk ASSR the author reconstructs the formation process of the divisions. The process was faced with considerable difficulties as the Kalmyk economy was largely reliant on extensive pastoralism whereas the Republic was devoid of large industrial enterprises; moreover, it had already contributed a huge part of its logistic resources (vehicles, horses, etc.) for the needs of the front. Nevertheless, Kalmykia's population in its patriotic effort did everything possible to finalize the formation of the two cavalry divisions by March 1942. However, by that time the top commandment had decided to reduce the number of cavalry divisions and disbanded the 111th Cavalry Division. Meanwhile, the 110th Cavalry Division reached the front in May 1942.

World War II, Great Patriotic War of 1941–1945, Kalmykia, Worker-Peasant Red Army, cavalry, national formation, 110th Kalmyk cavalry division, 111th Kalmyk cavalry division, Oka I. Gorodovikov.

СОВЕТСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕФОРМИЗМ
ЭПОХИ Н.С. ХРУЩЕВА: АВТОРИТАРНЫЙ РЕФОРМАТОР,
ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА
И АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО*

V. Nekrasov

Soviet Economic Reformism of the Khrushchev Era:
The Authoritarian Reformer, the Party-State System,
and the Academic Community

В современной историографии реформаторской деятельности Н.С. Хрущева утвердилось мнение, что в СССР между 1957 и серединой 1960-х гг. экономические реформы были в основном связаны с децентрализацией управления и передачей полномочий из центра на региональный уровень. Однако изучение документов российских архивов позволяет нам по-новому сформулировать повестку хрущевского экономического реформизма.

Выбрав экономик в качестве главного поля для мирного соревнования между социализмом и капитализмом, отказавшись от сталинской экономической политики, Хрущев столкнулся с необходимостью «изобрести» для СССР модель экономического развития, основанную на научно-технических достижениях, высокой производительности труда, структурных изменениях, экономическом стимулировании, низких социальных издержках, открытости и интегрированности в глобальную экономику. То есть такую, которая бы развивалась как капиталистическая экономика за счет внутренних стимулов, но без рыночных механизмов, и в итоге была бы способна «догнать и перегнать» наиболее развитые капиталистические страны». Эта проблема, первоначально возникшая в контексте децентрализации и гуманизации социализма, сформировала общую повестку советского экономического реформизма, заключающуюся в поиске партийно-государственным руководством, бюрократией и учеными новых институциональных основ развития советской экономики.

Но в случае Хрущева необходимо учитывать тот факт, что он должен был разрешить «дилемму реформатора»: как преодолеть бремя сталинского наследия и не разрушить веру советского общества в блестящее будущее коммунизма, как реформировать командную экономику, убедить бюрократию действовать желательным опти-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ «“Мировая система социализма” и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР» (№ 17-18-01728).

мальным образом, но не разрушить главных опор системы – директивного планирования, безраздельного господства государственной собственности и партийного руководства экономикой¹.

Исторические примеры Г.М. Маленкова, Н.С. Хрущева, А.Н. Косыгина и М.С. Горбачева показывают, что от способности решить эту дилемму зависели итоги реформаторских усилий и политическая судьба самого реформатора. Дилемма Хрущева носила институциональный характер: авторитарный реформатор должен обладать достаточной властью, чтобы, действуя стратегически, ограничить влияние групп интересов, перераспределять ресурсы, ликвидировать одни и сконструировать другие государственные органы и учреждения, да к тому же быть способным упрочить их положение в партийно-государственной системе и тем самым защитить реформы, отстоять реформаторский курс.

Но авторитарному реформатору в условиях СССР необходимы также накопленные конкретными людьми, партийно-государственным аппаратом и обществом в целом опыт управления и знания о реформируемой экономике, что определяет возможный набор стратегий реформирования. Во второй половине 1950-х гг. на различных уровнях командно-административной системы управления возникло понимание того, что для «изобретения» такой модели недостаточно идеологических методов и директивных механизмов. Становилось все очевиднее: лозунги приводили к нежелательным исходам, планы становились жертвами междуведомственных «вражеских войн», а высшие партийные органы, как и высшие органы государственной власти и государственного управления (ЦК КПСС, Совет Министров СССР, Госплан СССР) были скорее местом согласования междуведомственных интересов и вряд ли были способны «изобрести» такую модель развития советской экономики.

Изучение архивных документов, в том числе документов ЦК КПСС и Госплана СССР, ставших доступных исследователям во второй половине 2000-х – 2010-е гг., позволяет нам выдвинуть гипотезу: ключевым вопросом для Хрущева как авторитарного реформатора на протяжении 1955–1964 гг. стала необходимость «сконструировать» новые органы и учреждения, способные разработать предложения по реформированию управления советской экономикой и в итоге «изобрести» новую модель экономического развития.

До недавнего времени это направление реформаторской деятельности Хрущева оставалось практически не исследованным. За исключением нескольких публикаций², современная историография традиционно фокусирует внимание на политическом лидерстве Хрущева и критике его инициатив по децентрализации управления экономикой³.

Такая постановка проблемы определила круг вопросов, которые анализируются в настоящей статье. Это, во-первых, – деятельность Хрущева как авторитарного реформатора и «хаотичность» его ре-

форм. Во-вторых – работоспособность «унаследованных» им органов власти и управления. В-третьих, – конструирование и упорядочение самим авторитарным реформатором положения созданного им органа на примере Государственного научно-экономического совета (Госэкономсовета) Совета Министров СССР в 1959–1962 гг. В-четвертых, привлечение академического сообщества к реформированию.

* * *

В оценке Хрущева как авторитарного реформатора доминируют критические и часто негативные характеристики: «беспорядочно проводившиеся» им «реформы управления народным хозяйством» были «не всегда продуманными» и «вносили путаницу и дезорганизацию» в саму систему управления⁴.

Но такая оценка является всего лишь повторением оценки деятельности Хрущева, озвученной 14 октября 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС секретарем ЦК КПСС М.А. Сусловым: «Хрущев буквально страдал зудом всевозможных реорганизаций и перестроек, слепо верил в какую-то магическую, таинственную силу. А на деле эти перестройки и реорганизации лишь бесцельно дергали людей, сеяли среди них чувство растерянности, неуверенности»⁵.

Иными словами, эта оценка принадлежит политическим противникам реформатора, которые собрались и «измазали» его. И хотя за последние пятьдесят лет она многократно повторялась в научных и публицистических текстах, мы не можем принять ее за основу из-за политической тенденциозности.

Изучение архивных документов показывает, что в своих выступлениях и записках Хрущев использовал следующие формулировки и словосочетания: «в практике плановых органов еще не преодолены последствия периода культа личности», «плановые органы должны быть не громоздкими по своей структуре», «эти две отрасли [Угледобычу и металлургию. – *В.Н.*] надо держать в кулаке», «стройная организация», «чтобы органы были увязаны», «законченный высший орган [ВСНХ. – *В.Н.*], «устранение дублирования и параллелизма», «разумное построение нашего плана», «поднять уровень руководства промышленностью и строительством», «квалифицированное руководство экономикой страны», «организационные формы, которые отвечают современному этапу развития экономики», «лучше организовать силы партии, кадры, руководство», «искание лучших организационных форм», «стройная система планирования и управления народным хозяйством», «чрезмерная централизация», «наши представления о реорганизации стали лучше и богаче», «центрпробка», «надуманная структура, оторванная от отраслей производства»⁶. Все эти формулировки и словосочетания показывают: для Хрущева как реформатора ключевое значение име-

ли полномочия, функции и структура конкретных государственных органов и учреждений, а также система из взаимодействия.

Задавшись, однако, вопросом, можно ли ставить в вину реформатору, что он «много думал над совершенствованием структуры управления экономикой», как это сделал его политические оппоненты в октябре 1964 г. и делают до сих пор историки. Ведь то, что они называют «зудом всевозможных перестроек и реорганизаций» является ни чем иным, как стратегией «институционального диктанта» («институциональной конструкции»), когда «мудрый правитель», стремящийся повысить эффективность управления экономикой, ставит своей целью пересмотреть систему государственного управления ею и систему стимулирования ее развития. И совершенно очевидно, что при движении к этой цели сложно избежать ошибок⁷.

Альтернативной стратегии «всевозможных перестроек и реорганизаций», по нашему мнению, являлась стратегия, при которой экономические реформы были бы разработаны конкретными центральными государственными (бюрократическими) и научными учреждениями (в данном случае – Госпланом СССР и Академией наук СССР) и представлены Президиуму ЦК КПСС для утверждения и решения о начале реализации. Однако стоит задаться и таким вопросом: существовали ли в середине 1950-х гг. в Советском Союзе учреждения, способные квалифицированно разработать программу экономических реформ?

После ликвидации в 1947 г. Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, после «Ленинградского дела» и «дела Госплана», в 1949–1952 гг. оставшихся трагический след в судьбах большого числа экономистов и плановиков, нельзя утверждать, что в СССР существовали бюрократические и академические учреждения, способные решить эту задачу. Подтверждает нашу точку зрения и такой факт: выдвинутое еще в 1946 г. председателем Госплана СССР Н.А. Вознесенским предложение об организации Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР оставалось на уровне проекта вплоть до 1955 г.⁸

Иными словами, во второй половине 1950-х гг. у Хрущева не было альтернативной стратегии экономических реформ. Он должен был прежде всего «реконструировать» командно-административную систему управления экономикой, «унаследованную» им от Сталина.

* * *

Мог ли Госплан СССР стать в середине 1950-х г. центром разработки программы экономических реформ в СССР?

В партийно-государственной системе управления экономикой Госплан СССР являлся союзно-республиканским органом, осуществ-

лявшим общегосударственное планирование развития народного хозяйства СССР, разрабатывавшим народнохозяйственные планы и контролировавшим их выполнение, координировавшим деятельность различных ведомств, отстаивавшим «общегосударственные интересы» в борьбе с «ведомственным эгоизмом»⁹. Изучение документов, хранящихся в фондах РГАН, РГЭ и ГАРФ, приводит нас к выводу: к середине 1950-х гг. Госплан СССР, отягощенный проблемами, унаследованными от сталинской эпохи, пришел в упадок. Признаков упадка можно найти немало.

Так, на начало 1954 г. в Госплане СССР уже отсутствовал Сводный отдел перспективных планов, а вопросами перспективного планирования занимался сектор в составе четырех человек. Мы не располагаем данными, когда и почему именно был ликвидирован Сводный отдел перспективных планов, но в середине января 1950 г. такой отдел еще существовал в структуре Госплана СССР¹⁰.

В 1954 г. Госплан СССР занимал крайне консервативную позицию по отношению к инициативам ученых, к их предложениям по совершенствованию механизма планирования развития народного хозяйства. Так, в конце октября 1954 г. Госплан СССР и Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР дали отрицательный отзыв на предложения профессора Ленинградского государственного университета Л.В. Канторовича о применении математических методов в планировании развития промышленности¹¹.

Одновременно, несмотря на «либерализацию» делового климата внутри Госплана СССР в конце 1954 – начале 1955 гг., со стороны отдельных его руководителей осуществлялось сильное давление на сотрудников, которые занимались научно-исследовательской работой и публиковали результаты своих исследований в научных журналах¹².

Настроения, царившие в конце 1954 г. среди плановиков, ярко и точно отразила «Выписка из протокола общего закрытого собрания коммунистов партийной организации отделов электрификации Госплана СССР» от 3 декабря 1954 г. Плановики критически оценили практику планирования развития электроэнергетики, отметили, что директивы Пятого пятилетнего плана (1951 – 1955 гг.) об удвоении мощности электростанций не выполнены, и фактически в Госплане не организовано перспективное планирование (на 10–15 лет) основных энергетических систем страны¹³. В ЦК КПСС не оставили без внимания это собрание, которое, несмотря на его «закрытый» характер, несомненно, получило известность среди плановиков, и постарались не допустить роста «партийной» критики Госплана СССР и установленной практики планирования¹⁴.

Все эти факты указывают, что в середине 1950-х гг. Госплан СССР не был способен в полной мере осуществлять свою функцию планирования, тем более он не мог стать центром разработки программы экономических реформ.

Но Хрущев не мог просто проигнорировать Госплан СССР и, сконструировав новое народнохозяйственное учреждение, поручить исключительно ему, без участия Госплана СССР, разработать программу экономических реформ, так как директивное планирование являлось одной из основ советской общественно-экономической системы, причем оно же должно было стать «несущей конструкцией» программы реформ. А главное состояло в том, что именно от Госплана СССР зависело, будет ли реализовано то или иное экономическое решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР, сможет ли та или иная «группа влияния» добиться своих целей. Аппарат Госплана СССР, особенно его отраслевые отделы, обладал большим влиянием и порой позволял себе отстаивать собственные позиции и интересы во взаимоотношениях не только с министерствами, государственными комитетами и совнархозами, но даже с ЦК КПСС и Советом Министров СССР.

Таким образом, чтобы разработать и реализовать реформу управления советской экономикой, Хрущев должен был начать с реформирования Госплана СССР.

* * *

На заседании Президиума ЦК КПСС 20 декабря 1954 г. Хрущев внес предложение о перестройке работы Госплана СССР и разработке мер по совершенствованию механизма планирования развития экономики. Мы располагаем только протоколом заседания, но даже из повестки дня видно, что инициатива реформирования Госплана СССР принадлежала именно Хрущеву, а не Маленкову, и что вопрос о планировании рассматривался вместе с вопросом об организации Всесоюзного совещания по ведущим отраслям промышленности, которому предстояло обсудить новую модель развития советской экономики¹⁵. По итогам заседания Президиум ЦК КПСС поручил председателю Госплана СССР М.З. Сабурову подготовить предложения о реформировании Госплана СССР.

Записка, направленная 5 февраля 1955 г. Сабуровым в Президиум ЦК КПСС характеризует основные проблемы Госплана СССР как центрального органа планирования развития народного хозяйства¹⁶.

В преамбуле записки самокритично отмечалось: «Существующий уровень государственного планирования не соответствует возросшим задачам по дальнейшему подъему народного хозяйства. В развитии народного хозяйства в настоящее время имеют место отдельные диспропорции, в известной мере связанные с недостатками в государственном планировании. Не преодолена до конца чрезвычайная централизация планирования, сковывающая инициативу министерств и местных органов и мешающая мобилизации внутренних ресурсов»¹⁷. Недостатки в работе Госплана были отмечены по всем направлениям: перспективное и территориальное планирование,

планирование капитального строительства и материально-технического снабжения. Отмечалось также отсутствие серьезного технико-экономического обоснования плановых решений. Среди причин провалов в работе Госплана СССР одной из самых важных указывалась «слабая связь Госплана с научными организациями»: «<...> Недостаточно изучается и учитывается в планах передовой отечественный опыт, а также технические достижения зарубежных стран. Госплан СССР все еще мало привлекает к разработке планов, в том числе и перспективных планов, Академию наук СССР, научно-исследовательские институты министерств и ведомств»¹⁸.

Хотя у нас отсутствуют архивные доказательства, сосредоточение внимания на этой проблеме, по нашему мнению, отражало позицию не столько Сабурова, сколько Хрущева, считавшего, что усиление взаимодействия Госплана СССР с научными организациями позволит изменить практику планирования, а там, возможно, и саму модель экономического развития. Последующие действия Хрущева подтверждают это предположение. По итогам обсуждения записки Сабурова Президиум ЦК КПСС 14 марта 1955 г. принял решение: «Необходимо перестроить работу Госплана, отделив функции текущего характера от разработки вопросов перспективного планирования»¹⁹.

Это решение дало начало первой из шести реформ Госплана СССР в течение 1955–1965 гг., которые охватили все стороны его деятельности: практику планирования, полномочия, подчиненность, внутреннюю структуру. Эти реформы сопровождалась понижением статуса председателя Госплана в системе высшей и центральной государственной власти, а также регулярной сменой его руководства и обновления кадрового состава плановиков²⁰. Реформы Госплана СССР остались в тени других реформ Хрущева – «совнархозовской» 1957 г. и реформы партийного аппарата 1962 г., – хотя, судя по архивным документам и свидетельствам современников, «государственное планирование <...> находилось под постоянным вниманием и контролем Хрущева»²¹.

Но главное, что реформы Госплана СССР предполагали переход от функционировавшей в 1930-е – первой половине 1950-х гг. вертикально интегрированной модели планирования, когда все функции планирования были сосредоточены в одном центральном учреждении, к новой, децентрализованной, модели, основанной на разделении между разными хозяйственными органами и учреждениями функций статистического учета, перспективного и текущего планирования, оперативного управления, перспективной экономики, а также отраслевого и секторального планирования. Децентрализация системы планирования стала характерной особенностью реформаторства Хрущева в области государственного управления экономики.

Изучение архивных документов²² приводит нас к согласию с авторитетным мнением российского и американского исследо-

вателей Ю.Я. Ольсевича и П. Грегори относительно Хрущева: «Институциональные преобразования он, как правило, тесно связывал с постановкой перед реформируемыми органами вполне конкретных практических задач»³.

Но в деятельности Хрущева, думается, можно увидеть и более сложные стратегии. Например, такие как «институциональная реконструкция», когда на основе «унаследованных» органов власти и управления реформатор пытается создать новые, способные осуществлять управление экономикой по-новому, и «институциональная конкуренция» – создание порядка, обеспечивающего конкуренцию между различными государственными органами и учреждениями для повышения эффективности их работы при решении общих задач.

Изучение широкого круга источников, включающие записки, наставления Хрущевым в Президиуме ЦК КПСС, стенограммы выступлений советского лидера и замечания, оставленные им к проектам решений, позволяют определить содержание этих стратегий.

Стратегия «институциональная реконструкция» предполагала ликвидацию практики «рвачества» в работе Госплана СССР. В ноябре 1956 г. на Пленуме ЦК КПСС Хрущев эмоционально и резко назвал «рвачество» или «рваческую войну» главным пороком в работе Госплана СССР, унаследованным от сталинской эпохи: «<...> Когда подходит время утверждения пятилетки или годового плана, то идет война, невероятная идет война, я бы сказал, рваческая война, каждый со злобой рвет. Как только утвердили – наступают полное затишье в первом квартале. Уже во втором квартале начинают спихивать средства, которые вырвали, начинают, как бы кому их уступить, потому что видят, что материалами не обеспечены и эти средства не будут использованы»⁴.

«Рвачество», как его понимал Хрущев, состояло в следующем: министерства стремились получить как можно больше капитальных вложений под отраслевые проекты либо добиться включения их в «титulares списки», не располагая еще проектной документацией, экспертным заключением, оборудованием, материалами и трудовыми ресурсами. Слово «рвачество» встречается в документах ЦК КПСС и Госплана в 1955–1957 гг., а после 1957 г. исчезает из партийно-государственных речей и текстов, однако во второй половине 1962 г. опять возникает в записках и выступлениях Хрущева как обозначение главной беды планирования народного хозяйства и возвращается в бюрократическое словоупотребление в 1963–1964 гг.⁵

* * *

В создании и существовании децентрализованной модели планирования можно выделить два основных этапа.

Первый этап – с мая 1955 по май 1957 гг. – время функциониро-

вания Государственной экономической комиссии Совета Министров (Госэкономкомиссия) СССР, которая занималась вопросами текущего планирования народного хозяйства (оперативное управление и разработка годовых планов) и Государственной плановой комиссии Совета Министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства (Госплан СССР), которая занималась вопросами перспективного планирования (пятилетие и долгосрочные планы развития отраслей экономики на 10–15 лет, разработка программ модернизации транспортной и энергетической систем). С другой стороны, реформы Госплана СССР в 1955–1956 гг. связаны с упорочением положения Хрущева как ключевой фигуры «коллективного руководства».

Второй этап – с февраля 1959 по ноябрь 1962 гг. – время функционирования Государственного научно-экономического совета (Госэкономсовета) Совета Министров СССР (перспективное и долгосрочное планирование и разработка проблемных вопросов развития народного хозяйства) и Государственного планового комитета Совета Министров СССР (текущее планирование и оперативное управление экономикой). На этот период приходится достижение Хрущевым наибольшего политического веса и пика его реформаторской деятельности.

В историографии более детально исследован первый этап функционирования децентрализованной модели планирования, в то время как второй этап, более значимый с точки зрения содержания и результатов, остался практически не изученным. Историки, скорее, даже не придают особого значения истории Госэкономсовета⁶, ставшего в 1959–1962 гг. бюрократическим центром экономического реформизма в СССР.

Единственной известной нам работой, отчасти посвященной деятельности Госэкономсовета, является монография профессора РГТУ А.Б. Безбородова. Однако автор изучает Госэкономсовет только в контексте научно-технической политики и не затрагивает институциональные аспекты его деятельности⁷.

Именно в 1959–1962 гг. Хрущев оказался наиболее близок к решению ключевой задачи – «сконструировать» государственные органы и учреждения, способные разработать предложения по реформированию советской экономики и в итоге «изобрести» новую модель экономического развития. Первым и основным таким органом стал Государственный научно-экономический совет (Госэкономсовет). Его история позволяет раскрыть стратегию авторитарного реформатора – конструирование и упорочение положения созданного им органа.

Кроме того, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. важным элементом политики Хрущева стало привлечение ученых к решению социально-экономических и научно-технических проблем развития СССР²⁸. Архивные документы свидетельствуют: на рубеже 1950-х – 1960-х

гг. в ЦК КПСС и Совете Министров СССР сформировался спрос на новые экономические знания, потребность в том, чтобы экономисты «давали» и «помогали»²⁹. Безусловно, некоторые члены Президиума ЦК КПСС были убеждены в том, что экономисты и могут, и должны решить поставленную на XXI съезде КПСС историческую задачу – догнать передовые капиталистические страны по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения.

Госэкономсовет был образован 20 февраля 1959 г. постановлением Совета Министров СССР № 209 «в целях всестороннего изучения экономических вопросов, возникающих в ходе хозяйственного и культурного строительства, а также рассмотрения предложений по развитию производительных сил страны»³⁰.

Одновременно в конце января – середине февраля 1959 г. Президиум Академии наук СССР принимает ряд решений по развитию прикладных экономических исследований.

23 января 1959 г., накануне XXI съезда КПСС, Президиум АН СССР образовал специальную Комиссию по исчислению стоимости в социалистическом хозяйстве и Научный проблемный совет по экономической эффективности капитальных вложений³¹. Сразу после съезда Президиум АН СССР создал Комиссию для обследования деятельности экономических учреждений АН СССР и «выработки предложений по коренному улучшению работы в области экономических наук в свете задач, поставленных XXI съездом КПСС»³². 13 марта 1959 г. прошло заседание Президиума АН СССР, Коллегии Госплана СССР и актива Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР, посвященное улучшению прикладных экономических исследований и усилению связей между Академией наук и Госпланом СССР³³.

Все эти решения и мероприятия можно трактовать как начало формирования новой практики разработки и принятия экономических решений в СССР и одновременно началом разработки будущей экономической реформы, осуществленной в 1965–1967 гг.

Председателем Госэкономсовета был назначен заместитель председателя Совета Министров СССР Иосиф Иосифович Кузьмин, член «команды Хрущева», с мая 1957 – по февраль 1959 гг. возглавлявший Госплан СССР и руководивший подготовкой директив к Семилетнему плану (1959 – 1965 гг.)³⁴.

11 мая 1959 г. постановлением Совета Министров СССР № 489 была утверждена структура Госэкономсовета, включавшая Секретариат и восемь отделов: Отдел общих экономических проблем развития народного хозяйства, Отдел размещения производственных сил и комплексного использования природных ресурсов, Отдел по топливно-энергетическим проблемам, Отдел экономики и развития тяжелой промышленности, Отдел экономики и развития производства предметов народного потребления и товароборота, Отдел экономики и развития транспорта, Отдел экономики и

развития сельского хозяйства, Отдел экономических обобщений. Поначалу Госэкономсовет не обладал никакими управленческими полномочиями, а в 1959 г. штат его сотрудников составлял всего 190 человек (для сравнения: в 1959 г. в Госплане СССР трудилось 2 500 человек, Гострое СССР – 610 человек, в Государственном научно-техническом комитете СССР – 350 человек)³⁵.

Изучение протоколов заседаний Коллегии Госэкономсовета (все-го с августа 1959 по апрель 1960 г. прошло 10 заседаний) показывает, что его научно-аналитическая деятельность состояла в составлении долгосрочных прогнозов, экспертизе проекта плана на 1960 г., разработке методики расчета экономической эффективности капитальных вложений, снижения издержек и ценообразования в отдельных отраслях народного хозяйства³⁶. По сути, Госэкономсовет являлся консультативным органом Совета Министров СССР. Во второй половине 1959 – начале 1960 гг. он фактически находился стадии формирования, и его влияние на разработку и принятие экономических решений было минимальным.

Архивные документы подтверждают свидетельство современников о том, что Хрущев «с самого начала вхождения во власть пытался создать на базе совета некую структуру, обеспечивающую поступление свежих, плодотворных идей наверх, но без особого успеха»³⁷. Хотя, возможно, в 1959 г. Хрущев еще не решил, какими полномочиями и функциями наделять Госэкономсовет. По всей видимости, окончательно концепция этого нового государственного органа у Хрущева сформировалась в конце 1959 – начале 1960 гг.

В ноябре 1959 г. Кузьмин представил проект нового Положения о Госэкономсовете, в котором значительно расширились его функции. На Госэкономсовет возлагались перспективное планирование, подготовка предложений по широкому кругу вопросов развития экономической экономики, изучение основных направлений развития экономических связей и международного разделения труда между социалистическими странами, изучением экономики капиталистических стран. В Госэкономсовете предполагалась организация экспертных комиссий и более двух десятков постоянных секций по разработке различных направлений развития экономики СССР. Эти предложения означали трансформацию Госэкономсовета из консультативного органа в системе Совета Министров СССР в центральный учреждение, способное оказывать серьезное влияние на разработку и принятие экономических решений.

Интересна реакция различных ведомств на предложения о расширении функций Госэкономсовета. Согласно порядку, установленному в командно-административной системе управления экономикой, заинтересованные ведомства готовили свои замечания и предложения по проектам совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

В конце ноября 1959 г. – начале января 1960 г. проект постанов-

ления был рассмотрен союзными и союзно-республиканскими министерствами и ведомствами.

Можно выделить две основные группы министерств и ведомств: те, которые в целом поддержали это предложение, внося определенные коррективы, касающиеся в основном структуры и порядка взаимодействия Госэкономсовета с союзными и союзно-республиканскими министерствами и ведомствами, и те, которые не поддержали это предложение, посчитав, что его претворение в жизнь породит дублирование и ущемление прав министерств и ведомств³⁸.

Например, в Госкомитете по машиностроению СССР, поддержав предложение практически по всем пунктам, особо выделили, что «основным содержанием плана работы Госэкономсовета на ближайшее время должна явиться разработка проблем, связанных с составлением перспективного 15-летнего плана развития народного хозяйства Советского Союза»³⁹. А в Госплане СССР заняли отрицательную позицию по всем предложениям о расширении функций Госэкономсовета, считая, что последний будет дублировать работу Госплана СССР⁴⁰.

Опасения председателя Госплана СССР А.Н. Косыгина вскоре оправдались: Госэкономсовету полностью передавалось перспективное планирование, и, соответственно, ему переподчинялись Научно-исследовательский экономический институт, Вычислительный центр, Научно-исследовательский институт планирования и нормативов, ранее подчиненные Госплану СССР, а также Совет по изучению производительных сил АН СССР.

13 января 1960 г. на заседании Президиума ЦК КПСС был рассмотрен проект Положения о Госэкономсовете и замечания министерств и ведомств. В ходе заседания Хрущев внес предложение о «существовании двух Госпланов»⁴¹. В протоколе зафиксирована критическая оценка Косыгина: ни Госплан, ни Госэкономсовет не готовы к выполнению возлагаемых на них функций оперативного управления и перспективного планирования. По итогам заседания для обсуждения и решения спорных вопросов была создана комиссия в составе членов Президиума Совета Министров СССР Ф.Р. Козлова, А.Н. Косыгина, А.И. Микояна, секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, председателя Совета Министров РСФСР Д.С. Полянского, председателя Совета Министров УССР Н.Т. Кальченко и председателя Госплана РСФСР В.Н. Новикова.

Но уже на стадии обсуждения и доработки проекта постановления началось преобразование Госэкономсовета из консультативного органа в центральное учреждение экономического реформизма, которому надлежало активно взаимодействовать с центральными органами управления и академическими учреждениями. 2 февраля 1960 г. Совет Министров СССР принял постановление № 111 «О составе Государственного научно-экономического совета Совета Министров СССР». Им предусматривалось утверждение члена-

ми Госэкономсовета крупных ученых, включая ведущих советских экономистов и статистиков – академиков А.А. Арумяна, В.С. Немчинова, С.Г. Струмилина, директора Института экономики АН СССР К.Н. Плотнокова, первого заместителя председателя ЦСУ СССР И.С. Малышева⁴².

7 апреля 1960 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 388 «О дальнейшем совершенствовании дела планирования и руководства народным хозяйством», закрепившем за Госпланом СССР разработку вопросов текущего народнохозяйственного планирования и координацию хозяйственной деятельности союзных республик, а за Госэкономсоветом – «всю работу по перспективному планированию», в том числе разработку планов на 5-7 и 20 лет⁴³.

В итоге в Госэкономсовете произошло увеличение числа отделов с 11-ти до 37-ми и штатной численности сотрудников со 190 до 1 100 (для сравнения: в Госплане СССР трудилось 2 250 человек, в Госстрое – 610, в Государственном научно-техническом комитете – 350)⁴⁴.

В итоге возникла децентрализованная модель планирования советской экономики.

* * *

Изучение архивных документов показывает, что реформа планирования 1959–1960 г. не сводилась к административной реорганизации, а отражала как стремление Хрущева воплотить идеи, которые он вынашивал на протяжении 1954–1959 гг., так и реальную практику планирования народного хозяйства.

Ключевая идея, которую Хрущев стремился воплотить в этой форме, состояла в том, что «Госплан должен быть экономическим барометром, который должен резко реагировать на всякие проявления нового в науке и практике и схватывать новое и заменять старое»⁴⁵. В ходе реформы должны были произойти внедрение практики «непрерывного планирования», более широкое использование экономико-математических методов и электронно-вычислительных машин (ЭВМ) при разработке планов, вовлечение ученых в подготовку экономических решений.

Важнейшим новшеством в реформе было создание механизма взаимного контроля Госплана СССР и Госэкономсовета, предусматривавший, что Госплан СССР представляет в Совет Министров СССР заключения по проектам перспективных планов развития народного хозяйства, а Госэкономсовет – заключения по проектам годовых планов⁴⁶.

Такой «институциональный дизайн» авторитарного реформатора Хрущева можно рассматривать как его попытку, используя правовые механизмы и избегая репрессий против верхов партийно-госу-

дарственной бюрократии, воплотить идею о Госплане как «честном планинике», получившей отражении в трагически известном постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О Госплане» от 5 марта 1949 г. («Госплан должен быть абсолютно объективным и на сто процентов честным органом; в работе его совершенно недопустимо какое бы то ни было вихляние и подгонка цифр, "ибо попытка подгонять цифры под то или иное предвзятое мнение есть преступление уголовного характера" (Сталин)»⁴⁷.

Проведение реформы планирования повлекло за собой скорую смену руководства Госэкономсовета: уже в апреле 1960 г. Кузьмина отправили в традиционную «почетную отставку» – по-слов в Швейцарию. Вместо него председателем Госэкономсовета был назначен заместитель председателя Совета Министров СССР Александр Федорович Засядько⁴⁸, бывший министр угольной промышленности СССР, также член «команды Хрущева».

Фактически в 1960–1962 гг. Госэкономсовет, непосредственно подчиненный Хрущеву, стал центром экономического реформизма. Волей «первого лица» он приступил к разработке Генеральной перспективы развития народного хозяйства СССР до 1980 г., практики непрерывного планирования, методологии оценки эффективности капитальных вложений и оптимального размещения промышленного производства, хозяйственного расчета, новой системы оптовых цен в промышленности и транспортных тарифов⁴⁹.

Концептуальной основой деятельности Госэкономсовета в 1960–1962 гг. стали решения июньского (1960 г.) Пленума ЦК КПСС, поручившего Госплану СССР и Госэкономсовету разработать методические основы установления новых оптовых цен в промышленности⁵⁰.

Это решение, инициатором, которого был Хрущев, являлось отражением его стратегии «институциональная конкуренция» – создания порядка, обеспечивающего конкуренцию между различными государственными органами и учреждениями для повышения эффективности их работы при решении общих задач. Однако в данном случае Хрущев переоценил свои возможности подталкивать и контролировать партийно-государственную бюрократию, не учел всех рисков междуведомственного конфликта. И конкуренция между Госпланом СССР и Госэкономсоветом сразу же превратилась в междуведомственную борьбу, в которой каждое учреждение отстаивало свою концепцию перехода к новым оптовым ценам. Госэкономсовет – концепцию «цен единого уровня» для всех отраслей промышленности, Госплан СССР – концепцию «ценовых привилегий» для тяжелой промышленности⁵¹. Причем председателя Госплана СССР В.Н. Новикова поддержали первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгин и председатель Военно-промышленной комиссии Президиума Совета Министров СССР Д.Ф. Устинов.

Тем менее в 1960–1962 гг. Госэкономсовет, скорее, усиливал свои аппаратные позиции как центра экономического реформизма, обеспечивая координацию деятельности ученых-экономистов по разработке узловых вопросов развития народного хозяйства и осуществляя практическую работу по перспективному планированию его развития, а также по корректировке контрольных цифр народнохозяйственного плана 1962–1965 гг. Судя по архивным документам, в первой половине 1962 г. председатель Госэкономсовета А.Ф. Засядько и начальник Отдела экономической эффективности Л.А. Вааг обсуждали идею укрепления структурных подразделений Госэкономсовета, занимающихся перспективным планированием (сводных отделов, а также тех, что обеспечивали координацию планирования по экономическим районам и т.д.). Намеревались они усилить и те подразделения, которые обеспечивали разработку крупнейших научно-экономических вопросов, решение которых должно было привести к существенному повышению экономической эффективности планирования, проектирования и хозяйственного руководства в стране⁵².

Одновременно, во второй половине 1962 г., плановики из Госплана СССР и Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР предлагали создать при Госэкономсовете Главный вычислительный центр народного хозяйства с основной задачей – обработка экономической информации, необходимой для планирования и управления народным хозяйством, применительно к задачам Госэкономсовета, Госплана СССР, ЦСУ СССР, народнохозяйственных государственных комитетов, министерств и ведомств⁵³. Реализация всех мер означала бы, что Госэкономсовет значительно усиливал свои аппаратные позиции в таких важных областях, как обработка экономических данных, координация прикладных экономических исследований, разработка реформ, оперативное управление, перспективное планирование и влияние на принятие экономических решений в Совете Министров СССР. Эти предложения были изложены в докладе «О некоторых вопросах совершенствования планирования народного хозяйства», направленного 11 октября 1962 г. Хрущеву⁵⁴.

Мы не располагаем точными сведениями, ознакомился Хрущев с докладом или нет, но 10 ноября 1962 г. вместо Засядько председателем Госэкономсовета был назначен Петр Фадеевич Ломоко, в 1961–1962 гг. работавший заместителем председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР. А 24 ноября, то есть спустя всего две недели, Госэкономсовет был преобразован в Госплан, то есть фактически ликвидирован.

Выступая 19 ноября 1962 г. на Пленуме ЦК КПСС, Хрущев объяснил это решение тем, что в повседневной деятельности задачи Госплана и Госэкономсовета «часто сталкиваются» и «случается, что перспективные вопросы развития народного хозяйства, кото-

рые нужно поручать разрабатывать Госэкономсовету, поручаются Госплану Союза и наоборот. Таким образом, нарушается тот главный принцип, который был заложен при организации этих двух важных органов»⁵⁵.

Но, по видимому, Хрущев не сообщил Пленуму ЦК КПСС реальной причины ликвидации Госэкономсовета.

Понашему мнению, главная причина ликвидации Госэкономсовета заключалась в междоумственной борьбе между Госпланом СССР и Госэкономсоветом, а фактически – между Засядько и группой заместителей председателя Совета Министров СССР, в которую входили Косыгин, Устинов, Новиков. В 1962 г. «яблоком раздора» стала проблема разработки и реализации экономической реформы. Если бы Хрущев поручил решение этой задачи Засядько – это означало бы усиление его аппаратных позиций в Президиуме Совета Министров СССР и ослабление позиций Косыгина. По неизвестным нам причинам Хрущев не стал защищать Засядько и отстранил от работы в Совете Министров СССР, но отправил в отставку только в марте 1963 г.

Засядько скончался 5 сентября 1963 г. Ему было всего 52 года.

Дальнейшее изучение архивных документов позволит детализировать историю экономического реформизма Н.С. Хрущева. Но на данный момент мы утверждаем, что в реформе планирования 1959–1960 гг. можно увидеть и попытку Хрущева реализовать более сложные стратегии: «институциональную реконструкцию», когда на основе разделения функций Госплана СССР реформатор пытался создать Госэкономсовет как орган, способный осуществлять рациональное управление народным хозяйством СССР, и «институциональную конкуренцию», когда созданием, по сути, «двух Госпланов» он намеревался выявить более действенный орган из них, а затем перераспределить ресурсы в его пользу.

Примечания Notes

¹ *Nekrasov V. Decision-Making in the Soviet Energy Sector in the Post-Stalinist Times: The Failure of Khrushchev's Economic Modernization Strategy // Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas. Palgrave Macmillan, 2017. P. 165–199.*

² *Некрасов В.И. Реформа Госплана СССР 1955 г.: Разработка новой модели планирования экономики // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 99–103; Узбекова Ю.И. Деятельность Совета по науке при Совете Министров СССР (1963 – 1964) в контексте региональной научной политики СО АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 13–16.*

³ *Taubman W. The Khrushchev period, 1953 – 1964 // The Cambridge History of Russia. Vol. III. The Twentieth Century. Cambridge, 2006. P. 279, 280; Хлевнюк О.В. Роковая реформа Н.С. Хрущева: Разделение партийного*

аппарата и его последствия: 1962 – 1964 годы // Российская история. 2012. № 4. С. 164а–179.

⁴ *Черкасов И.И. ИМЭМО: Очерк истории. М., 2016. С. 189.*

⁵ Никита Хрущев, 1964: Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 246.

⁶ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 43, 44; Д. 590. Л. 218, 233, 235; Д. 589. Л. 3, 4; Д. 671. Л. 178, 179; Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 10; Д. 267. Л. 3, 4, 17, 21, 31, 33, 53, 79; Д. 269. Л. 120, 121, 132; Д. 338. Л. 40; Д. 357. Л. 38, 39, 42.

⁷ *Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб., 1996. С. 99.*

⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 51. Д. 245. Л. 1; Оп. 53. Д. 3. Л. 225–231, 240–274.

⁹ *Gregory P.R. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. Cambridge, 1990. P. 18–21, 30, 31.*

¹⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 50. Д. 10. Л. 27.

¹¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 143. Л. 136–152.

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 140. Л. 13, 18–20; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 55. Д. 5. Л. 121, 122, 129, 130; *Бор М. О некоторых вопросах национального дохода социалистического общества // Вопросы экономики. 1954. № 10. С. 79–90.*

¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 140. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 3, 4.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 119. Л. 1, 2.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 55. Д. 2. Л. 71–79.

¹⁷ Там же. Л. 71.

¹⁸ Там же. Л. 75.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 214. Л. 22; Ф. 3. Оп. 10. Д. 132. Л. 2.

²⁰ *Некрасов В.И. Должность председателя Госплана СССР в системе высшего политического руководства (1955 – 1964 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 66–69.*

²¹ *Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 131.*

²² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 671. Л. 178, 179.

²³ *Ольсевич Ю.А., Грегори П. Плано́вая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000. С. 37.*

²⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 39–46.

²⁵ Президиум ЦК КПСС, 1954 – 1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М., 2003. С. 611, 790, 791; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 603. Л. 28; Ф. 52. Оп. 1. Д. 267. Л. 49; Д. 266. Л. 32–34, 43; Д. 337. Л. 153, 162, 163; Д. 338. Л. 32, 33, 82, 84; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 55. Д. 2. Л. 76, 77; Ф. 9573. Оп. 1. Д. 596. Л. 128–130.

²⁶ *Sutela P. Economic Thought and Economic Reform in the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 53, 54; Nove A. An Economic History of the USSR, 1917 – 1991. N.Y., 1992. P. 350; Peters B. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet. Cambridge (MA), 2015. P. 102; *Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006. С. 250–256, 262.**

- ²⁷ *Безбородов А.Б.* Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х – середины 70-х годов. М., 1997. С. 93.
- ²⁸ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января – 5 февраля 1959 года: Стенографический отчет. Т. 1. М., 1959. С. 61; Т. II. М., 1959. С. 201.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 95. Д. 936 Л. 9; Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущева. Т. 2. М., 2009. С. 746.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 685. Л. 120, 121.
- ³¹ *Немчинов В.С.* Общественная стоимость и плановая цена. М., 1970. С. 381, 382.
- ³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 115. Л. 11.
- ³³ Там же. Л. 12–16.
- ³⁴ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 170. Л. 17, 37.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 99. Д. 15. Л. 26, 27, 32, 33, 34, 35.
- ³⁶ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1. Л. 2–8, 93–96, 148–151; Д. 2 Л. 3–5, 294–296.
- ³⁷ *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 844.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 94. Д. 301. Л. 48–50.
- ³⁹ Там же. Л. 8–10.
- ⁴⁰ Там же. Л. 44–46.
- ⁴¹ Президиум ЦК КПСС, 1954 – 1964. Т. 1. М., 2015. С. 436.
- ⁴² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 698. Л. 63.
- ⁴³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 700. Л. 171–174.
- ⁴⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 526. Л. 3; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 99. Д. 15. Л. 26, 27, 32, 33, 34, 35.
- ⁴⁵ Президиум ЦК КПСС, 1954 – 1964. Т. 1. М., 2015. С. 783; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 596. Л. 128; Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 2; Д. 259. Л. 48.
- ⁴⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 700. Л. 174.
- ⁴⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945 – 1953. М., 2002. С. 281, 283.
- ⁴⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 700. Л. 208.
- ⁴⁹ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 4. Д. 486. Л. 56; Д. 498. Л. 2, 3, 6, 7; Д. 656. Л. 1; Д. 757. Л. 220.
- ⁵⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 453. Л. 37–41.
- ⁵¹ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 28. Л. 45, 46.
- ⁵² РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1059. Л. 3–7.
- ⁵³ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 65. Л. 281–293.
- ⁵⁴ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1054. Л. 71–95.
- ⁵⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 590. Л. 234, 235.

Автор, аннотация, ключевые слова

Некрасов Вячеслав Лазаревич – канд. ист. наук, научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва); доцент Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Тюменская область)
v.l.nekrasov@yandex.ru

В статье анализируется одно из важнейших направлений реформаторской деятельности советского руководителя Н.С. Хрущева в 1955–1964 гг. Сущность этого направления состоит в создании нового государственного органа управления экономикой, и оно до сих пор всесторонне не изучено ни в российской, ни в зарубежной историографии. Автором статьи были изучены многочисленные документы Центрального Комитета КПСС и Госплана СССР, которые ранее были секретными и стали доступными исследователям во второй половине 2000-х и в 2010-е гг. Анализ этих документов с точки зрения институциональной теории дал автору основные выдвинутые гипотезы: ключевым вопросом для Хрущева как авторитарного реформатора стала необходимость создать новый орган управления, способный реформировать систему планирования развития советской экономики и, более того, «изобрести» новую модель экономического развития. Эта новая модель была призвана обеспечить победу СССР в экономическом соревновании с ведущими капиталистическими странами. Таким органом стал Государственный научно-экономический совет (Госэкономсовет) Совета Министров СССР, созданный в 1959 г. по инициативе Хрущева. Первое время Госэкономсовет являлся консультативным органом Совета Министров СССР. Однако в течение 1960–1962 гг., будучи подчинен непосредственно Хрущеву, он стал центром экономического реформизма. Важнейшей его особенностью стало участие в его деятельности ведущих советских ученых-экономистов и тесное сотрудничество с учреждениями Академии наук СССР. Однако деятельность Госэкономсовета породила его конкурентную борьбу с Госпланом СССР. Эта конкуренция стала отражением борьбы внутри верхушки партийно-государственной бюрократии по вопросам управления советской экономикой. Госэкономсовет был упразднен Хрущевым в 1962 г., и это событие, по сути, означало неудачу его реформаторства в экономической области.

Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС), Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР, плановая экономика, командно-административная система, Госплан СССР, Государственный научно-экономический совет (Госэкономсовет), экономическая реформа, партийно-государственный аппарат, бюрократия, Н.С. Хрущев, А.Н. Косыгин, В.Н. Новиков, И.И. Кузьмин, А.Ф. Засядько, институциональная теория.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Bor M. O nekotorykh voprosakh natsionalnogo dokhoda sotsialisticheskogo obshchestva [On Some Problems of the National Income of Socialist Society.]. *Voprosy ekonomiki*, 1954, no. 10, pp. 79–90. (In Russ.).
2. Khlevnyuk O.V. Rokovaya reforma N.S. Khrushcheva: Razdelenie partiynogo apparata i ego posledstviya: 1962 – 1964 gody [Khrushchev's Fateful Reform: The Division of the Party Apparatus and its Consequences, 1962 – 1964.]. *Rossiyskaya istoriya*, 2012, no. 4, pp. 164a–179. (In Russ.).
3. Nekrasov V.L. Dolzhnost predsedatelya Gosplana SSSR v sisteme vyushhego politicheskogo rukovodstva (1955 – 1964 gg.) [The Position of Chairman

- of Gosplan USSR in the System of the Supreme Political Leadership (1955 – 1964).] *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2012, no. 4, pp. 66–69. (In Russ.).
4. Nekrasov V.L. Reforma Gosplana SSSR 1955 g.: Razrabotka novoy modeli planirovaniya ekonomiki [The Reform of Gosplan USSR in 1955: The Development of a New Model of Economic Planning]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 368, pp. 99–103. (In Russ.).
5. Uzbekova Yu.I. Deyatelnost Soveta po nauke pri Sovete Ministrov SSSR (1963 – 1964) v kontekste regionalnoy nauchnoy politiki SO AN SSSR [The Activities of the Council on Science under the Council of Ministers of the USSR (1963 – 1964) in the Context of the Regional Research Policy of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR.]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2007, no. 2, pp. 13–16. (In Russ.).
- (Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)**
6. Nekrasov, V. Decision-Making in the Soviet Energy Sector in the Post-Stalinist Times: The Failure of Khrushchev's Economic Modernization Strategy. *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas*. Palgrave Macmillan, 2017, pp. 165–199. (In Eng.).
7. Taubman, William. The Khrushchev period, 1953 – 1964. *The Cambridge History of Russia. Vol. III. The Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, pp. 268–291. (In Eng.).
- (Monographs)**
8. Bezborodov A.B. Vlast i nauchno-tekhnicheskaya politika v SSSR serediny 50-kh – serediny 70-kh godov [Government and Scientific-Technical Policy in the USSR in the mid 1950s – mid 1970s.]. Moscow, 1997, p. 93. (In Russ.).
9. Cherkasov P.P. IMEMO: Ocherk istorii [The Institute of World Economy and International Relations: A Historical Essay.]. Moscow, 2016, p. 189. (In Russ.).
10. Gregory, Paul R. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, pp. 18–21, 30, 31. (In Eng.).
11. Khrushchev S.N., Nikita Khrushchev: Reformator [Nikita Khrushchev: Reformer.]. Moscow, 2010, p. 844. (In Russ.).
12. Nemchinov V.S. Obshchestvennaya stoimost' i planovaya tsena [Social Value and Planned Price.]. Moscow, 1970, pp. 381, 382. (In Russ.).
13. Nove, Alec. An Economic History of the USSR, 1917 – 1991. N.Y., 1992, p. 350. (In Eng.).
14. Olsevich Yu.A., Gregory, Paul R. Planovaya sistema v retrospektive: Analiz i interv'y u rukovodivshimi planirovaniya SSSR [The Planning System in Retrospect: An Analysis and Interview with Leaders of Planning in the USSR.]. Moscow, 2000, p. 37. (In Russ.).
15. Peters, Benjamin. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet. Cambridge (MA): MIT Press, 2015, p. 102. (In Eng.).
16. Shestakov V.A. Sotsialno-ekonomicheskaya politika Sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-kh godov [The Socio-Economic Policy of the

Soviet State in the 1950s – mid-1960s.]. Moscow, 2006, pp. 250–256, 262. (In Russ.).

17. Sutela, Pekka. Economic Thought and Economic Reform in the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, pp. 53, 54. (In Eng.).

18. Williamson, Oliver E. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting. New York: Free Press, 1985, 450 p. = Williamson, Oliver E. Ekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, rynki, “otnosheniya” kontraktatsiya. St. Petersburg, 1996, p. 99. (In Eng.).

Author, Abstract, Key words

Vyacheslav L. Nekrasov – Candidate of History, Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow); Senior Lecturer, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Tyumen Oblast, Russia)
v.l.nekrasov@yandex.ru

The article analyzes one of the major reform activities undertaken by the Soviet leader Nikita S. Khrushchev in 1955–1964. This activity aimed at forming a new governance body for economic management has not yet been fully studied in Russian and foreign historiography. The author of the article used numerous documents of the CPSU Central Committee and the Gosplan of the USSR which were previously classified and became available to researchers in the early 2000s. Having analyzed the documents in the light of institutional theory, the author assumes that it was essential for the authoritarian reformer Khrushchev to create a new governance body to reform the system of planning and, more importantly, “to invent” a new model of economic development. This new model was designed to ensure the USSR's victory in the economic competition with the leading capitalist countries. The State Scientific-Economic Council (*Gosekonomsovet*) of the Council of Ministers of the USSR initiated by Nikita Khrushchev in 1959 became such body, at first, a consultative one, under the Council of Ministers of the USSR and, consequently, in 1960–1962, reporting directly to Khrushchev, it became the centre of economic reforms. Its key feature was the participation of the leading Soviet academic economists and its close cooperation with the Academy of Sciences of the USSR. However, the activity of the *Gosekonomsovet* led to a competition with the Gosplan of the USSR, which reflected controversy going on among the leaders of the party-state bureaucracy as to how the Soviet economy should be managed. With the *Gosekonomsovet* disbanded by Khrushchev in 1962, it became clear that his economic reforms were doomed to failure.

Communist Party of the Soviet Union (CPSU), Central Committee (of the CPSU), Council of Ministers (of the USSR), planned economy, Command-Administrative System, State Planning Committee (Gosplan) (of the USSR), State Scientific-Economic Council (*Gosekonomsovet*), economic reform, party-state apparatus, bureaucracy, Nikita S. Khrushchev, Aleksey N. Kosygin, Vladimir N. Novikov, Iosif I. Kuzmin, Alexander F. Zasyadko, Institutional theory.